

Марта Кетро ЛИМОНЫ И СИНИЦЫ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320706
Марта Кетро. Лимоны и синицы: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084032-8*

Аннотация

Главная страсть, лежащая в основе всех человеческих зависимостей и вожделений, – желание счастья. Мы гонимся за его тенью в любом переживании, и пока оно кажется возможным, нет сил остановиться. Женщина следует за тонкой нитью, беспорядочно пронизывающей ткань жизни: там мелькнуло серебром, а тут целый узор. В мире удивительно много счастья, и оно везде. Как и любовь, которая часто обманывает ожидания, появляясь неузнанной, не такой, как мы привыкли. Понять, что она была, иногда удаётся только по следам, которые ни с чем не спутаешь.

Новая книга Марты Кетро о поиске и узнавании любви, об ожидании счастья, которое на самом деле уже здесь, и всегда здесь было.

Содержание

Love Is...	7
Письмо	15
Зимование	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марта Кетро

ЛИМОНЫ И СИНИЦЫ

Иллюстрации – Оксана Санжарова

© М. Кетро, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

О моих отношениях с чувствами всегда можно было снимать индийский фильм «Разлучённые», с песнями и танцами.

Давным-давно случилось: рассказывала подруге, которую какое-то время не видела, как дела, и через запятую заметила «а летом... года я была влюблена». И вдруг поняла, это констатация задним числом, и тогда я о себе ничего такого не знала, просто терпела, и только потом, по сумме последствий, догадалась, что, кажется, попала под лошадь в том древнем июле. А будучи в процессе, запрещала себе недостойные переживания. Можно подумать, у меня самурайская честь, но на самом деле я просто была паралитиком, который не чувствовал пальцы ног.

Было плохо, я не ела, не спала, рвалась куда-то, но чувство никак не называлось, а точнее, называлось «необъяснимой тоской». Присутствие определённого человека утешало и веселило, но это ничего не значило.

Потому что я твёрдо помнила, какой бывает настоящая любовь. Она случилась у меня в двадцать два, солнечная, огненная летом и ледяная зимой, с лимонами и синичками осенью. Была осень, когда я любила, и однажды вернулась домой, а у мамы очередная затея: провернуть через мясорубку три кило лимонов, грецких орехов и залить это всё мёдом. И я прихожу и вижу гору солнечных лимонов на столе и желтую грудку синицы за окном. С тех пор это про любовь. А весны у нас уже не случилось, поэтому я ничего не знала о любви весной, только о горе.

Так что у меня была понятная матрица, которую я примеряла к каждому следующим отношениям: пробивается ли солнце сквозь резную липовую крону так, что я вижу каждый лист и запоминаю его навсегда? Дарят ли мне торговки красную смородину? Возят ли нас водители автобусов без билетов – «оплачиваем проезд, граждане, а вы двое – не надо»? Бережёт ли меня Бог за одно лишь сияние? Есть ли такой секс, чтобы снять туфельки в коридоре, потом не помню, а потом прихожу в себя под душем? А кожа у него пахнет ли морской водой? И где мои лимоны, где мои синицы?

Чего-нибудь да не хватало, что-то было иначе, и я понимала – не любовь. Мало ли, всякое же возможно, эмоциональная зависимость, интеллектуальная близость, доверие, вожде-

ление, что угодно странное, ведь о том, как выглядит любовь, я знала точно, и это всегда было не оно.

Я оказалась не готова к мысли, что любовь меняется не только от объекта к объекту, но и с возрастом, что исчезают какие-то привычные способы чувствовать и образуются новые, о которых не подозревала. Что сейчас о любви может быть «легко засыпать рядом и ничего не бояться», а потом «чувствовать себя более живой, чем когда-либо», а в другой раз «много смеяться», «вместе работать», «говорить только правду – и только ему» – да бог знает. Что не лимоны, а мерзкий кофе, который он варит, или персики среди ночи – те самые, из О. Генри; а секс станет как состояние вещества – не пар, не жидкость, не плазма, а другая форма существования материи. Неважно, главное, я не понимала: может быть иначе, вот и всё. А как в двадцать два не будет, уже нет той девочки, не к кому прилетать синичкам, поэтому не хуже и не лучше – иначе.

Однажды, когда я стану такой старой, что отомрут все лепестки, все способы и даже память, я смогу пересчитать их – эти приметы любви, которые вернуться ко мне и высыплются на голову из огромной божьей корзины. Все мои лимоны и персики раскатятся по комнате, все цветы, птицы, слова и состояния вспорхнут и разлетятся, я узнаю их все и пойму, сколько любви у меня было.

Они и сейчас сыплются и сыплются, но кто же им поверит.

Love Is...

Напиши мне; напиши мне из Индии, Крыма, Таиланда, отовсюду, где задержишься дольше чем на ночь. Из пыльных углов Старого, Нового и того света, из кабаков, джунглей и недорогих отелей; из палатки, из открытой могилы, в которой проведёшь четыре часа, наблюдая движение звёзд и слушая, как в теле шевелится аутентичная настойка (никакой химии, диметилтриптамин только что с огорода). Я хочу получать твои емейлы, оклеенные радужными марками почтовой компании «Доктор Хоффман», нацарапанные на пожелтевшей папиросной бумаге, пропахшей дымом, с жлобским пивным пятном, – когда выпадаешь из образа, тоже пиши. Напиши подробно, как выглядит Эйфелева башня, мне это важно. Когда на рассвете от тебя уйдёт весёлая чёрная женщина, дай знать, осталась ли она довольна (впрочем, не сомневаюсь). О бледных девочках, которые носят копеечные этнические юбки и никогда над тобой не смеются, ты мне не расскажешь, и правильно, чего я о них не знала? Но я не могу заменить тебе ни одну из них, даже самую бестолковую, даже толстую.

Я же со своей стороны обязуюсь писать о нежных вещах, о коварстве платьев с открытой спиной – если утром между лопаток поцелует один мужчина, верная примета, что вечером там будет целовать другой. Голосом благовоспитанной японки стану щебетать о котиках, сплетнях и ни на секунду не дам тебе усомниться, что не умею любить; это позволит нам безопасно подписывать письма небрежным «люблю, обнимаю». Обещаю, ты ничего не узнаешь о том, как для меня проходят годы; я уберу метки со всех фотографий, где заметно время, где рядом со мной мужчина, где вместо эльфа – усталый взрослый. Ты запомнишь только прозрачные пальцы, трогавшие твоё лицо, и неприятно пряные запахи, которые всегда мне нравились. Что бы ни случилось между нами, – на бесконечной земле, кипящей между мной и тобой, – не сомневайся в главном: цвет волос и адрес у меня никогда не изменятся.

Ты же за это пиши всякий раз, как загустеет время, откуда бы ни было, из любого места, где есть сигнал и где нет меня; то есть – отовсюду. Обещай, что будешь писать.

Любовь, это вроде запаха чеснока, нельзя заесть и перебить ничем другим (и никем). Получится сделать только, чтобы стошнило, но она всё равно не перестаёт и всё переносит, коринфяне.

Любовь – дурочка, дурочка с дудочкой, у которой вместо мыслей простенькая мелодия, вроде «одинокого пастуха». А вместо логики она пользуется знаками, и всё для неё – знак,